

Посвящается Сэму Шепарду

Дмитрий Ластов

НОЯБРЬ

(простая история о любви и дружбе)

Действующие лица:

ЛЁША, плотный мужчина, бывший военный семидесяти лет.

ПАША, сухощавый мужчина интеллигентного вида семидесяти лет.

МАША, жена Лёши, женщина под семьдесят лет.

КОНТАКТНЫЕ ДАННЫЕ АВТОРА

sovetika@mail.ru

(в. 7)

Дмитрий Ластов «НОЯБРЬ» (пьеса)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начало ноября. Вечер. Комната на даче. Окно занавешено старыми тряпками. В углу камин. Две двери. Стол, стулья, куча какого-то мусора. Плита, чайник, тарелки. Висит одежда. На полу лежат какие-то инструменты, доски, коробки.

Лёша ходит по комнате. Видно, что он нервничает. Смотрит на часы. Прислушивается. На столе лежат продукты. Звонит сотовый телефон. Лёша подходит, ухмыляется. Трубку не берёт. Телефон продолжает звонить.

Слышится звук подъезжающей машины. Хлопает дверь. Лёша отодвигает тряпки и смотрит в окно. Продолжает нервно ходить. Слышится стук. Лёша выходит. Слышатся звук открываемой двери и голоса. В комнате появляются Лёша и Паша. Паша выглядит растерянным.

ЛЁША. Ты сюда клади. Сюда. *(Паша кладёт свой портфель и снимает пальто)*. Там что, похолодало? Похолодало? Ещё похолодало?

ПАША. Для начала ноября терпимо.

ЛЁША. У тебя всё терпимо. Я же чувствую, что похолодало.

ПАША. Похолодало.

ЛЁША. Сюда ехал, так дождь лил, а сейчас уже снег.

ПАША. Топишь?

ЛЁША. Да. Как чувствовал.

ПАША. Что?

ЛЁША. Ну, строил когда... Дачу строил... Думаю, ставить камин или печку, платить за неё...

ПАША. В каком смысле?

ЛЁША. Ну, может, не пригодится. Деньги отдам, а что? Зачем она? Если только летом жить здесь — зачем она? А видишь как... Да дров мало... Вот, что попало, жгу тут... мусор всякий... *(Показывает рукой на стопку тетрадей, журналов, книг, альбомов, конверты от пластинок)*.

ПАША. А руки помыть...

ЛЁША. Да ты, вон там... Скважину не успел сделать - к роднику хожу. Там вон – смотри. Воду только не лей сильно. Экономлю.

ПАША. Понял.

ЛЁША. Чистюля!

ПАША. Что?

ЛЁША. А ты чего? Ты с работы прямо? Натаха тебя отпустила?

ПАША. Типа того..

ЛЁША. Типа... типа... Есть будешь? Я тут вот, что было, сделал... ужин.

ПАША. Я не очень хочу.

ЛЁША. Как это... Ты чего... Давай!

ПАША. Ты-то как сам тут?

ЛЁША. Да видишь как... Я же гордый. Я терпеть не буду!

ПАША. Видно.

ЛЁША. Я же всё в дом. Понимаешь, всё для них. А они заруководили... Проходу нет.

ПАША. Видно.

ЛЁША. Да что тебе видно?! Она говорит мне...

ПАША. Кто?

ЛЁША. Ну, как кто... Жена – Машка. Говорит: на дачу твою не поеду. Вот так вот. Я два года её строил, а они ехать не хотят. Я же для них. Для каждой — комнату, гвоздик к гвоздику. Душу же вложил. Старался. Думал, для них... чтобы радовались, чтобы на природе... А они всё в свои квартиры... Всё ремонты... Всё дела у них... Одна квартира, другая... Одна развелась... Третья в своих делах... Тьфу!

ПАША. И что?

ЛЁША. Не хотят. Вот, всё по-ихнему должно быть. Вот они решили - так и всё... Вот у них там лагерь да путешествия всякие... А вот так, как я, не хотят. Не нужна им дача... Сколько строил - и не нужна. Сколько я сил потратил... Сколько нервов... Ведь для них - не для себя.

ПАША. А дочки?..

ЛЁША. Да ну...

ПАША. Чего, не сдержался?

ЛЁША. Не знаю. Не помню уже. Настроения не было. Не помню. Сказал, что в их долбаном бабском царстве ноги моей не будет. И всё...

ПАША. И всё?

ЛЁША. Да нет... Погорячился я.

ПАША. Видишь.

ЛЁША. Да чего там... Ты же понимаешь... Вся жизнь по гарнизонам прошла... Мыкался от одного океана до другого. Ну хоть какой-то уголок хотел для них, для себя сделать - чего в городе сидеть... Понимаешь... А они!..

ПАША. И что?

ЛЁША. Ну, Машка с дочками. Квартира у них... Дела...

ПАША. Причём тут квартира?

ЛЁША. Машка уже всё спланировала. Всё у нее по плану. Всё решено. Всё правильно должно быть... И дача им не нужна. Делают, как хотят. Вот спросишь меня: спрашивают меня о чём? Вот спроси...

ПАША. Спрашивают?

ЛЁША. Спросить-то спросили. Да не так... Понимаешь, у неё там планы... Она всё решает... А мне что?! Я же хозяин. Я же главный... Я полком командовал!

ПАША. Ну, конечно, главный.

ЛЁША. А если я с ней разведусь. Понимаешь?

ПАША. Даже так...

ЛЁША. Я служил... Я сколько лет... Я разве не имею право на уважение?! Она кто? Жена... Я же главный! Не она же...

ПАША. Ты что, разводиться собрался?

ЛЁША. Да какое там. Просто подумал: у неё есть свой угол, а я здесь буду... Буду здесь жить.

ПАША. Один? Здесь?

ЛЁША. Да так... Мысли...

ПАША. Но если разводиться не собрался, тогда...

ЛЁША. Ну не знаю, там что. Так просто. Мысли крутятся... Я ей сгоряча и говорю, даже не помню, что там я сказал... Ну, что квартиру мне дали... Ну, понимаешь, как военному дали... Мне дали - а не ей... Квартира — моя.

ПАША. Так и сказал?

ЛЁША. Сказал.

ПАША. А она что?

ЛЁША. Да ничего... Вот здесь теперь.

ПАША. Лёша, ну ты что - она с сколько ездила с тобой. Дочек родила. Ну...

ЛЁША. Да, я же понимаю... Но я такой, ты же знаешь... Сказал – не подумал. Она про дачу - а у меня мысль понеслась. А теперь... Я же не могу вот так... Я же не баба. Сорвался я, понимаешь! Сам не рад. Вот как бы закруглить бы...

ПАША. Давно здесь?

ЛЁША. Три дня.

ПАША. А они?

ЛЁША. Звонят по очереди.

ПАША. А ты?

ЛЁША. Не беру трубку.

ПАША. Зачем?

ЛЁША. Что зачем?

ПАША. Трубку чего не берёшь?

ЛЁША. Не хочу. Пусть мучаются. Может, я уже сдох.

ПАША. Они знают, где ты?

ЛЁША. Вряд ли. Что тут, не знают... Дача-то не достроена.

ПАША. Они волнуются.

ЛЁША. У меня что, много запросов. Ну, выпью иногда, ну, на рыбалку поеду... Ну... Ведь не считаются со мной, понимаешь... Вот, делают, как они хотят, как им надо... А я ведь, всё ради них... Дом вот этот построил... А они?! Им далеко сюда, им не надо... Им... Тьфу...

ПАША. Ну чего ты...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛЁША. Давай есть.

ПАША. Лёш, ну не хочу я. Нет аппетита.

ЛЁША. Вот ты такой же. Я же дачу купил тут. Думал – будут ездить, будет дом – родовое гнездо. А что они? Да ну... А выпить хочешь?

ПАША. Немного. *(Нехотя.)*

ЛЁША. Давай. А там и поешь. Закусишь...

Паша наливает из бутылки.

ПАША. Только немного.

ЛЁША. А мне знаешь, так тоскливо тут. Думаю, ну кому позвонить. Все – уроды... Только ты... Ведь школьная дружба, понимаешь... Давай за нас... За школу... А?

ПАША. Давай.

ЛЁША. Вот бери, знаешь... Чего такой молчаливый?

ПАША. Голова болит.

ЛЁША. Да уж... У меня и таблеток тут нет. Вчера еле-еле тут... Понимаешь, давление... Высокое, наверное, было. Еле-еле... Я вот выбежал как от них, сел в машину и погнал. Думаю – куда: к брату, в гаражи, в авторемонт? Подальше от всего... Рулил, а тут смотрю - сюда прирулил. Накопилось. Вот по горло накопилось... Девки достали...

ПАША. Ты сам не прав.

ЛЁША. Понимаешь... Давай, вот картошки. Ешь. А? Понимаешь... Я же всё для них... Из армии ушёл... Ну, чем там заниматься мог. Ну машинами... И автосервис этот открыл. Потом ещё... Ну работа пошла. Ведь всё для них... Ну...

ПАША. А внучка?

ЛЁША. Мариночка. Портят они её. Девочка умная, а они её засюсюкали. Катька – дура... Развелась... Ты же знаешь... И вот целыми днями носятся над Мариночкой, портят её. А девчонка умная... Только хитрая.

ПАША. Ты чего, из неё солдата сделать хочешь?

ЛЁША. Да причём тут... Солдата — человека.

ПАША. Ну сюсюкают, и славу богу.

Лёша подходит к телефону. Находит там что-то и даёт Паше посмотреть.

ЛЁША. На, смотри. Ты её давно не видел. Во какая стала! Умная девка!

ПАША. Да уж... Выросла.

ЛЁША. Да тебе не понять. У вас с Натахой ни детей, ни внуков...

ПАША. Сказал.

ЛЁША. Да не парься. Давай по одной. И ешь.

ПАША. Не наливай так много.

ЛЁША. Давай за дружбу. Ага!?

ПАША. Ну давай.

ЛЁША. Я приехал сюда, думаю – буду спать. Тихо. На дачах народу никого...

ПАША. И что?

ЛЁША. Спать не хочется. Всю ночь лежишь и думаешь.

ПАША. И о чём?

ЛЁША. Ну, лежишь и о жизни соображаешь: правильно ты живешь или не правильно.

ПАША. И что насоображал? *(Немного иронично.)*

ЛЁША. Да ты не пересмеивай.

ПАША. Да я и не собирался.

ЛЁША. Ну... ничего я не понял... Вроде, жил честно, вроде, всё как надо... А вот как-то всё не так. Ну жена, ну дочки... А всё как-то грёбано получилось... Вот люди, как ты, всю жизнь служат чему-то хорошему – науке твоей. С утра до ночи... А я что? По частям да по частям... а потом гайки сраные в моторах перебирал... А что, я нужен кому сейчас? Никому! Мариночка. Она бежит ко мне — деда, дай то, деда, дай это... А я её спросил, кого она любит больше...

ПАША. И что сказала?

ЛЁША. Бабу. Понимаешь, бабу Машу... Тьфу!

ПАША. А Катька что?

ЛЁША. А они все молчат. Хоть бы кто сказал... Хоть бы кто... А Дашка - младшая...

ПАША. А она что?

ЛЁША. Бабе уже сорок скоро, а она себе татуировку сделала. На руке...

ПАША. Сейчас все так...

ЛЁША. Я её так и зову – уголовница.

ПАША. Зачем?

ЛЁША. Глупо. Татуировки делать глупо. Бабе под сорок – она татуировку лепит.

ПАША. Это пустяки.

ЛЁША. Какие пустяки!? А её муж - не лучше. У него на шее змея.

ПАША. Татуировка?

ЛЁША. Ну да. Я его как вижу, руки так и тянутся ему эту шею выкрутить. Давай по третьей...

ПАША. Да подожди ты... Голова болит.

ЛЁША. Вот у меня, так всё время голова и болит... Может, из-за давления. Или так... Три ночи глаз не сомкнул. И всё что-то роится, всё в голове копошится... А тишина здесь такая, что будто даже шорох мыслей слышишь, а может, это и мыши... Знаешь, много их тут — паразиток, мышей этих...

ПАША.ловишь их?

ЛЁША. Да, тут попалась одна. Знаешь, так билась, бедная. Ночь. Тихо. И мышка поддыхает в мышеловке. Понимаешь, раньше вот не жалел я их... А её что-то жалко стало. Лежал и думал, чего душу загубил? Зачем? Бегала бы себе... Мне не жалко...

Раздаётся телефонный звонок. Лёша и Паша смотрят в сторону телефона. Лёша подходит к нему.

ЛЁША. Катька теперь...

ПАША. Дочка?

ЛЁША. Ага.

ПАША. Не возьмёшь?

ЛЁША. Нет.

ПАША. Возьми.

ЛЁША. Нет.

ПАША. Волнуются.

ЛЁША. Пусть.

Лёша возвращается к столу.

ЛЁША. И понимаешь... Вот крутишься там в городе целый день... Возраст уже у нас ого-го! А дел полно. А тут – тишина. И птицы уже улетели. И рядом никого... И такое прямо одиночество тут. Просто зашибись! И пустота какая-то, как в могиле... Особенно ночью.

ПАША. Ну...

ЛЁША. Ну и знаешь... стал тут думать, а кому я нужен? У детей свои дела... Мариночка – малышка. Чего с нее взять. Машка тоже всё туда-сюда - занята... Вот так по душам-то поговорить и не с кем. Вот так сесть и поразмыслить... Ведь так?

ПАША. Допустим.

ЛЁША. Вот прошлой ночью. Я перебирал всех наших... Ведь уже сколько умерло. А армейских... А те кто остался... Ну, позвоню я им... Ну и что... Приедут? Да не фига! Кому нужно. У всех дела. Думаю... только Пашке-другу я нужен. Давай ещё раз за дружбу...

ПАША. Лёш. Лёша!

ЛЁША. Давай. Пей.

ПАША. И много ты тут...

ЛЁША. Да по дороге купил. Две бутылки. Я же непьющий... Ты чего...

ПАША. Все-таки по дороге успел зарулить в магазин.

ЛЁША. Ну чего-ты. С горя... Паш!

ПАША. Сопьёшься ты тут...

ЛЁША. Да я разве пью.

ПАША. Вижу.

ЛЁША. Я тут Ирку вспоминал. Помнишь?

ПАША. Как её не помнить.

ЛЁША. Красотка была...

ПАША. Быстро всё пролетело.

ЛЁША. Я тоже тут лежал и об этом думал. Ну там, когда нам по двадцать было, как-то и не думалось ни о чём. Я в армию пошёл, ты - в науку. А там, знаешь, как-то всё так закрутилось... и полетели эти годы.

ПАША. Пролетели.

ЛЁША. Ну, да... Пролетели. Когда я только школу закончил, помнишь у нас эти встречи одноклассников проходили в школе. Те, кто 10 - 15 лет назад школу закончили, такие дядьки солидные... Им лет по тридцать было. Такие взрослые они все были.

ПАША. А потом понеслось...

ЛЁША. А потом мы сами – фьить - и десять лет... фьить - и двадцать... И вот, что там... Сколько?..

ПАША. Да лет пятьдесят уже прошло.

Дмитрий Ластов «НОЯБРЬ» (пьеса)

ЛЁША. Полвека... Это же страшно. Я вот всё и думаю... Там люди подвиги совершали, космос покоряли... А я?.. Ну ты-то ясно - у тебя всё правильно шло и хорошо... А я?.. Я – ноль... Ну ничего...

ПАША. Лёш, брось... Ну что-ты...

ЛЁША. Да, понимаешь... Может, жить-то уже и не осталось ничего. Сколько лет-то уже... А оглядываюсь – всё пустяки какие-то... Не жизнь, а так...

ПАША. Лёш, а дети, а жена?.. А армия? Ну что ты... не плачься.

Лёша машет рукой.

ЛЁША. Вот золотое время было! Помнишь, как в наш дом мы все заселялись. Я во втором подъезде, ты в четвертом... Всё каким-то светлым, большим казалось. А может, уже и снесли наш дом...

ПАША. Нет ещё...

ЛЁША. Думаешь?..

ПАША. Был я там. Не снесли.

ЛЁША. Что, тоже ночами не спишь... Вспоминаешь...

ПАША. Типа того...

ЛЁША. Нигде в округе лифтов не было. Я девчонок в подъезд водил кататься.

ПАША. Дешёвая популярность.

ЛЁША. Ну надо же было использовать преимущества нового дома.

ПАША. А как ты оказался в нашем классе? Ты же только на следующий год к нам перешёл... Ты же в параллельном был.

ЛЁША. Я там, понимаешь, хулиганил... У отца патроны были, порох...

ПАША. Да это я помню. Слава богу, живы остались.

ЛЁША. Училка у нас молодая была... неопытная. С такой шпаной, как я, не справлялась. Меня и перевели к вам, к Анфисе. Анфиса же строгая была. Я вот давеча лежал и думал, что если бы не Анфиса, то неизвестно ещё, что со мной стало бы. Шпаной бы какой стал и всё.

ПАША. Она не то чтобы строгая была.

ЛЁША. Я думаю, не зря она меня за парту с тобой посадила. Это у них такой педагогический ход. Я тебя расшевелил, а ты меня там утихомирил.

ПАША. Не похоже.

ЛЁША. Что?

ПАША. Что я тебя утихомирил.

ЛЁША. Да ладно тебе. А что там у дома нашего делал?

ПАША. Да так... Грустно как-то было... Вспоминал. Помнишь, там на дереве качели висели. Мы там с Натахой качались. А ты из рогатки в нас стрелял.

ЛЁША. Да ладно тебе - вспомнил.

ПАША. Ну вот дерева уже нет...

ЛЁША. А я вот, понимаешь... Ну вот, рассказать-то... ну вот, вспомнить... а никому и не надо... Катка тут на кухне крутилась... А я сел и говорю ей... ну там, хочешь я тебе воспоминания свои скажу: как из барака переселились... как пульки в костёр кидал... Ну и что... Сказала... что, пап, дел много... давай потом... Не нужно им... Вот и поговорить не с кем, хоть садись и сдыхай...

ПАША. От чего?

ЛЁША. От пустоты.

ПАША. Ты думаешь, от этого люди умирают.

ЛЁША. Ну от тоски...

ПАША. Ты тоскуешь?

ЛЁША. А чего, не тоскую? Ещё как! Это у тебя всё тип-топ - директор института, жена-Натаха. А у меня что? Ничего. И не нужен я никому... Вот никому не нужен.

ПАША. Перестань.

ЛЁША. А ты думаешь, я тебя глупее.

ПАША. Да не думаю я...

ЛЁША. Не глупее... Ну списывал у тебя... Это от лени... Леня мне было ерундой заниматься.

ПАША. Математика – ерунда, да?

ЛЁША. Для тебя - не ерунда. А мне – ерунда. Толку от неё нет... Чего время тратить. Но я не глупее...

ПАША. Да кто спорит. Одень свой мундир, ордена...

ЛЁША. Вспомнил... Я бы дослужился... Я бы, понимаешь, дошёл бы до верха. Но вот как разозлюсь... Понимаешь... Скажу что-то... и всё. Ну...

ПАША. Лёша, ну кто спорит...

ЛЁША. Давай ещё раз. За математику!

ПАША. А она причём?

ЛЁША. Ну, пусть... Пусть будет математика. Жизни мне испортила... пусть будет.

Лёша наливает. Звонит сотовый телефон. Лёша подходит к нему.

ПАША. Маша?

ЛЁША. Нет, младшая теперь звонит. Дашка.

ПАША. Возьмёшь?

ЛЁША. Нет.

ПАША. Возьми и скажи, что всё хорошо. Жив. Здоров. Что тебе стоит.

ЛЁША. Не возьму! Вот не возьму. Я так решил. Всё!

ПАША. Как хочешь.

ЛЁША. Давай за математику!

ПАША. За науку.

ЛЁША. Будь она неладна.

Оба молчат.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛЁША. А вот под утро засыпаешь... И знаешь, снится что-то, а понять не могу... И думаю, что снится...

ПАША. А мне и не снится ничего.

ЛЁША. Мне, знаешь, в городе сны-то и не снились. Так, отключаешься... и всё. А здесь прямо театр какой-то.

ПАША. Так что снится?

ЛЁША. Да вот, знаешь, ночью проворочаешься, а утром заснешь... Да вот не пойму, что снится: иду куда-то, а понять не могу, что это - то-ли деревня, то-ли бараки какие... и ищу кого-то, а найти не могу... А вот... тут Мариночку искал... Пошли с ней на каток... Она коньки надела... А я то куда... И пропала. Я бегаю, кричу: Мариночка, Мариночка, где ты? Все катаются, а Мариночки нет. Вот так и ищу...

ПАША. А мне двор снился тут...

ЛЁША. Ты говорил, что тебе ничего не снится.

ПАША. А тут снилось. Двор наш. Старый двор, твой подъезд, качели... И я на них.

ЛЁША. И что!?

ПАША. Натаха стоит внизу и качает качели. Сильно так – я чуть не падаю.

ЛЁША. Как это она?

ПАША. Да и я смотрю, стою на них и не пойму, как это она их качает. А качели крутятся и я на них... Странный сон.

ЛЁША. И что. Чем кончилось?

ПАША. Не помню... Проснулся...

ЛЁША. А тут мне снился Мирзабоев.

ПАША. Кто?

ЛЁША. Рядовой. Понимаешь, лет сорок назад служил я в Уссурийске, и там был один такой парень нерусский. Смешной такой, маленький, с усиками... Всё что-то не так делал. То ли не понимал, то ли вообще такой был... И всё я его гонял. А тут, понимаешь, приснился... Я ему говорю: ты же чего, ты же умер...

ПАША. А он чего, умер?

ЛЁША. Да, снарядами на артскладе придавило. А тут приснился... Смеётся... Усики... Я и фамилию-то его позабыл... уже не помнил, а тут приснился и чего приснился?!

ПАША. Раньше как-то чаще сны снились, а сейчас не снятся.

ЛЁША. Мне тоже.

ПАША. Когда моложе был, мне казалось, что сны вещие бывают, что что-то сбывается из них.

ЛЁША. И что, сбывалось?

ПАША. Да уже и не помню.

ЛЁША. Мне война в детстве снилась, что я танком команду... Тимур и его команда снились.

ПАША. А сейчас ничего и не снится... Старость что ли... нечему уже сбываться.

ЛЁША. Да уж. Мне вот, когда Мирзабоева снарядами задавило, как-то всё равно было. Ну задавило, ну неприятно, ну парня жалко... А вот сейчас из головы он не выходит. Я говорю, и фамилию-то его позабыл уже... А сейчас всё думаю про него... Ведь ему сейчас лет шестьдесят было бы, жизнь бы прожил... Дети там у него были бы... ну хозяйство какое, жена, может, внуки... А всё осталось... ну, в общем, помер молодым, и нет ничего: ни детей, ни внуков... Жалко как-то... Раньше не думал, а сейчас вот всё думаю... и чего так...

ПАША. Старость, Лёша. Старые мы уже. Вон, как эти угольки - тлеют себе и тлеют... скоро погаснут...

ЛЁША. Сейчас я подброшу.

Лёша встаёт и начинает разгребать кучу с мусором.

ПАША. Что это за куча?

ЛЁША. Я же говорил – мусор. Из дома привёз. Что-то выбросить, чем-то огонь разжигать.

ПАША. А разве можно всё это жечь в камине?

ЛЁША. Да ну тебя... Правильный... Нужно...

ПАША. У тебя там какая-то пластмасса.

ЛЁША. Пластинки это, старые пластинки.

ПАША. И чего, горят?

ЛЁША. Да так, привёз их сюда. Выбросить жалко, да и хранить незачем. Что-то ломаю — потом выброшу. А бумажки — жгу...

ПАША. Это что?

ЛЁША. Это Битлз. Болгарская пластинка.

ПАША. И чего, в огонь её?

ЛЁША. А чего жалеть.

ПАША. Она же денег стоила.

ЛЁША. Ещё каких. 15 рублей отдал. А вот это из ГДР привезли мне кореша. Видел! Американская! Дип Пёпл.

ПАША. И чего ты её - ломаешь?!

ЛЁША. Я уже, знаешь, за эти дни сколько их сломал.

ПАША. Зачем?

ЛЁША. А чего...

ПАША. Это же деньги... Сам же говоришь — память.

ЛЁША. Да ну...

ПАША. Я помню, когда покупал американскую пластинку Элвиса Пресли, за нее пятьдесят рублей отдал.

ЛЁША. Ну и дурак... Такие деньжища отдавать!

ПАША. Не дурак.

ЛЁША. Дурак... Никогда не понимал, чего в нём там особенного, чего ты этим Пресли, рок-н-роллом и всем таким занимаешься.

ПАША. Ты же тоже покупал пластинки...

ЛЁША. Ну, я-то покупал... Так, по случаю...

ПАША. Не жалко их выбрасывать?

ЛЁША. Нет.

ПАША. Почему?

ЛЁША. Кому они нужны?! Ты, небось, хранишь свои пластинки? Пресли...

ПАША. Да.

ЛЁША. И помнишь, что отдал за него полсотни.

ПАША. Помню...

ЛЁША. Ну и нафик. Зачем? Зачем помнить то, что было там уже лет сорок назад?! Ушло... Всё...

ПАША. И что, лучше выбросить, сжечь?

ЛЁША. Паша, ну... вот, даже Катьке с Дашкой они не нужны... пластинки эти... Пресли там твой, Лед Зеппелин или Дип Пёпл... да и мы уже другие... Ты вот слушаешь эти пластинки?

ПАША. Слушаю.

ЛЁША. Врёшь ты.

ПАША. Ну, не слушаю уже. Как-то времени нет. Редко.

ЛЁША. Ну вот. Раньше было время... Слушали, бегали по всему городу – книжки новые покупали, пластинки у спекулянтов за полсотни брали... Жизни радовались.

ПАША. Так зачем их ломать и выбрасывать.

ЛЁША. Моя жизнь, понимаешь! И пусть я её буду здесь ломать и жечь. Я! А не выбросят её на помойку чужие там или близкие. Потом, когда я... ну, когда умру... Вот видишь – это мои записи всякие, книги, а это армейские альбомы, а это стихи...

ПАША. Ты писал стихи?!

ЛЁША. В школе... Давно...

ПАША. И будешь жечь их?

ЛЁША. Рука не поднимается.

ПАША. Видишь!

ЛЁША. А кому они нужны, стихи эти... фотографии? Мне каждая фотография родная. Я всё помню. Может, имена ребят каких-то уже и забыл, но вот помню, что день был солнечный, что за фотографом девчонка стояла голубоглазая... Понимаешь, всё помню, а кому это надо... В огонь! Стереть! А ты ведь помнишь, какими мы были... Ведь стройными были, красивыми... А только мы это и помним. А надо ли это помнить, а?!

ПАША. Не знаю.

ЛЁША. Ну! На вот, посмотри.

Лёша протягивает пластинку Паше.

ЛЁША. Я вот всё больше, знаешь, наших люблю. Ну не Кобзона, не Лещенко... а вот Ободзинского того же... Вот эти всякие Дип Пёпл, конечноЮ интересны... и Битлз, но с Машкой я на танцах танцевал под «Олеандр» или «Эти глаза напротив». Помнишь: «Льёт ли тёплый дождь, падает ли снег – я в подъезде против дома жду, что ты пройдешь... а, быть может, нет». Помнишь!?

ПАША. Помню. Из каждого утюга звучало.

ЛЁША. А вот Ободзинского пластинки у меня не было. На катушке он был, а пластинки не было. Жалко...

ПАША. У тебя есть Пресли!? Американская пластинка! Я не знал. Откуда?

Паша крутит в руках пластинку.

ЛЁША. Помнишь 72-й год?

ПАША. Мы ходили тогда на «Мелодии друзей».

ЛЁША. Я был в Москве проездом. А ты меня позвал.

ПАША. Ну да, помню. На стадионе в Лужниках.

ЛЁША. Ты бредил своей американщиной. Только об этом и говорил. Всё наше тебе было не то. Югославы, венгры – не то. Ободзинский – не то. Всё в голове эти самые были... Любые деньги был готов отдать.

ПАША. Увлекался, да.

ЛЁША. Помнишь, после концерта к метро шли... Ты всё про америкашек, про Пресли говорил...

ПАША. Говорил.

ЛЁША. А я тебе всё супротив... что и ничего особенного, и всё такое...

ПАША. Помню.

ЛЁША. Я нарочно.

ПАША. Правда?

ЛЁША. Мне Пресли тоже нравился.

ПАША. Как?

ЛЁША. Вот так. Ну не сказать, конечно, что... Но... Я ребятам говорю. Там один во Францию ехал. Говорю – купите пластинку... Ну, тогда же сложно было... Ты вот за полсотни покупал.

ПАША. Ну да.

ЛЁША. Привёз он мне пару пластинок. Сейчас...

Лёша достаёт ещё одну пластинку и даёт её Паше.

ЛЁША. Вот, держи.

ПАША. И не говорил мне! Никогда не говорил!

ЛЁША. Ну... Ну, понимаешь... Как я скажу?! Я же что, значит, мнение меняю... Значит, я там тряпка какая... Ну слушал я его, ну и что?.. В принципе, ничего особенного. Ну, может, и нравится... Ну...

ПАША. Вот даёт...

ЛЁША. Вот не выбросил я их. Думал всё... Сохранил. Бери...

ПАША. А проигрыватель у тебя есть?

ЛЁША. Да там поищи.

Паша выходит в соседнюю комнату и гремит, доставая проигрыватель.

ЛЁША. А вообще, нечего это всё хранить. Понимаешь, нам только это и нужно... и никому... никому более... Наша память... А может, и нам уже это не нужно. Чего помнить-то... А потом, понимаешь... Ты там нашёл?

ПАША. Да. Сейчас.

ЛЁША. Так я говорю, понимаешь, вот ещё штука какая... я вот думаю, вот лет сорок назад люди за эти там пластинки давились – полсотни отдавали... считай, ползарплаты... А сейчас... выброси - и не жалко. Всё ушло... там... поменялось...

Входит Паша с проигрывателем, ставит на стол и начинает подключать его.

ПАША. Зато сейчас за всякими айфонами да гаджетами ночами стоят.

ЛЁША. Про что и речь. Сейчас, там, твои эти пластинки, за которые ты, там, надрывался и корячился и писал, там, курсовые за деньги... вот сейчас всё это и не нужно никому... Чего, послушать хочешь? А вообще, твой Элвис никому не нужен был.

ПАША. Это как? Ты про что?

ЛЁША. Все от него только денег хотели... А ему, может, просто по душам с кем-то хотелось поговорить... а не с кем... и не уедешь так на дачу... найдут...

ПАША. Думаешь?

ЛЁША. Читал где-то. Да так, мысли... Жаль его.

ПАША. Он чувствовал... Он пел искренне...

ЛЁША. Всё равно америкашка. Ободзинский лучше. Он мне ближе. Ободзинский...

ПАША. Сейчас. Вот, послушай.

Паша подключает проигрыватель и ставит пластинку Элвиса Пресли. Звучит его песня "Can't Help Falling In Love".

*Wise men say,
Only fools rush in
But I can't help
falling in love with you.*

ЛЁША. О чём это?

ПАША. Он поёт: «Я не могу ничего поделать с любовью к тебе. Возьми мою руку и мою жизнь. Ведь ничего не могу поделать с любовью к тебе».

ЛЁША. Во как! А я где-то так и думал...

ПАША. Как река течёт в берегах своих, так мы будем жить счастливо в любви.

ЛЁША. Ну... ну...

Паша улыбается.

ПАША. Видишь.

Продолжает звучать музыка. Паша и Лёша слушают музыку. Свет постепенно гаснет.

*Shall I stay
Would it be a sin
If I can't help
falling in love with you.*

*Like a river flows
Surely to the sea,
Darling so it goes,
Some things are meant to be.*

*Take my hand,
Take my whole life too,
For I can't help
falling in love with you.*

Затемнение.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Лёша приносит какие-то простыни. Старую куртку. Раскладушку.

ЛЁША. Я тебе у печки постелю. Раскладушку с чердака принёс тебе. Водитель твой завтра за тобой заедет? Утром?

ПАША. Не знаю.

ЛЁША. Ну ладно. У меня, там, понимаешь, по-спартански. Ну, что есть... Я дом два года строил... наездами... Что наprivёз, то и есть. Туалет за углом есть... А так, там, на веранде, ведро... Ты как по ночам, часто?..

ПАША. Часто.

ЛЁША. Ну вот – в ведро... Там теплее. Я-то по ночам не сплю. Да и за огнём надо следить. Ты бы, знаешь, утром не уезжал бы... Остался бы на денёк. Походили бы тут... Вот эту телогрейку под подушку положишь - мягче будет.

ПАША. Скучно тут... Может, так и надо...

ЛЁША. Побыл бы тут, а?..

ПАША. Лёша?

ЛЁША. Что?

ПАША. Подурачился - и хватит. Надо тебе домой ехать. Ждут ведь, беспокоятся, звонят. Любят ведь тебя, дурака.

ЛЁША. Не поеду. Я себе слово дал. Не поеду.

ПАША. Лёш! Ну ты же не маленький. Там тебя дочки ждут. Внучка... Давай завтра утром вернёшься.

Лёша останавливается и внимательно смотрит на Пашу. Потом как-то жёстко начинает говорить.

ЛЁША. Вот!

ПАША. Что?!

ЛЁША. Вот! Вот! Я же знал... Я же знал...

ПАША. Что ты знал? Ну, подурачился - и хватит. Ну, не мальчики же... Подхватишь воспаление – помрёшь...

ЛЁША. Ты для чего сюда приехал?! Ты вот... Ты же с ними... Ты же звонил ей... Да? Договорился уже!? Заранее... Всё там решили!

ПАША. Кому звонил? Да ты о чём!?

ЛЁША. Ты сговорился с Машкой... Сидит тут такой, молчит.. А я знаю, чего молчишь... Планы свои строишь. Приехал, чтобы меня затащить обратно. Не выйдет! Не выйдет! Я птица гордая! Вот здесь буду зимовать... Вот здесь... А ты...

ПАША. Ну, Лёша. Перестань. Никуда я не заезжал, не звонил я ей... ну ты что?!

ЛЁША. Врёшь!

ПАША. Не вру я.

ЛЁША. Врёшь ты. Ты предатель, понял. Ты трус! Я же не забыл как ты меня в шестом классе сдал Анфисе. Ты и тогда с ней в сговоре был.

ПАША. С кем?

ЛЁША. С классной!

ПАША. Да ты что!?

ЛЁША. Ты подлый трус! Ты сговорился тогда с Анфисой. Я же знал. Это ты меня предал... Ты предал. А теперь всё стало ясно.

ПАША. Да что ясно? Ты что!

Лёша встаёт и пытается выкинуть из-за стола Пашу в предбанник.

ЛЁША. Убирайся! Слышишь! Иди отсюда! Убирайся! Иди! Вон из моего дома! Слышишь... моего дома... Вон! Катись!

ПАША. Лёша, остановись. Перестань.

ЛЁША. Всё ясно, подлюка такая! Ты Анфисе меня сдал... Ты... Интеллигент паршивый! Битломан фигов! А теперь Машке служишь. Иуда! Предатель! Фашист грёбаный!

ПАША. Не говорил я никому. Перестань! Ты что?

ЛЁША. Убирайся! Вон! Гад! Затащить меня... Им подчиняться... Я полком командовал, понял?! Не то, что ты... Сам всю жизнь проползал...

ПАША. Перестань!

ЛЁША. Иди! Убирайся! Гад!

Лёша выталкивает Пашу из комнаты. Слышатся возня и хлопающая дверь. Потом появляется Лёша, запыхавшийся и взволнованный.

ЛЁША. Вот гад! Я так и знал... Тихоня... Молчит... Сидит такой понурый, а задание получил. Наверняка, его Натаха с Машкой уже сговорились. Сговор! Предатели! Никому верить нельзя. Никому! И Анфисе он меня тогда сдал. Точно он. А я всё думал: кто меня сдал? Он. Он всё видел и сдал. Вот что открывается! Я его пригрел, позвал, накормил, там, напоил... тьфу!

Слышится стук в окно и приглушённый голос Паши.

ЛЁША. Убирайся! Стучит он ещё! Стукач. Звони своему водителю. Пусть тебя забирает. Директор он там. Наука там. Убирайся! Сговорились.

Лёша ходит из угла в угол. Видит оставленную пластинку на проигрывателе.

ЛЁША. Сломать её. Всё сломать. Ну их всех.

Звонит телефон. Он продолжает ходить. Смотрит по углам. Видит вещи Паши.

ЛЁША. Надо отнести ему. Телефон-то тут. Не вызовет он машину.

Лёша сгребаёт одежду и берёт телефон в руки. Из карманов вываливаются какие-то бумаги. Лёша начинает сгребать их.

ЛЁША. Так, повестка... к следователю. Подследственный. Уголовное дело. А это что? Согласие на операцию. Кто?! Натаха! Операция!

Лёша резко всё бросает и выходит из комнаты. Слышится звук хлопающей двери.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Через мгновение появляются Лёша и Паша. Лёша сажает Пашу с мороза к камину, наливает ему чай.

ЛЁША. Пей, давай, слышишь. Ещё заболеть не хватало...

Паша смотрит на него непонимающе.

ЛЁША. Ты чего мне ничего не сказал. Ты чего молчал, как сыч. Я же друг тебе, слышишь! Ну чего ты молчишь!

ПАША. Что ты?!

ЛЁША. Я всё увидел. Это что? *(Показывает на лежащие на столе согласие и повестку.)* С Натахой что?

ПАША. Натаха...

ЛЁША. Что она?

ПАША. Она в больнице...

ЛЁША. В больнице?! Не сказал... Почему?

ПАША. Не стал.

ЛЁША. Правильно я тебя выгнал! Правильно... Так бы ничего не сказал. Всё молчишь, молчун. Рассказывай, слышишь, рассказывай.

ПАША. Нечего рассказывать - всё просто.

ЛЁША. Как просто?!

ПАША. Всё обычно. Всё так, как у всех... Долго боремся... Не знаю я...

ЛЁША. Ходишь по старым местам. Смирился.

ПАША. Нет... что я могу теперь...

ЛЁША. Рассказывай.

ПАША. Послезавтра операция. Исхода не знаю. Подписал вот эту бумагу... Согласие...

ЛЁША. Перестань. Сейчас всё оперируют. Где она лежит? Ладно... Это потом... Не кисни, слышишь! Я всех подниму!

ПАША. Я итак всех поднял.

ЛЁША. У меня знаешь, сколько знакомых! Машку когда положили, тоже все кислые были. Я их всех вытряс... Есть приказ – выполнять надо! Никаких кислых, слышишь... Ничего, вытащили... И Натаху, слышишь, сам вытащу, всех подниму, она будет жить, знаешь...

ПАША. Подожди. Мы уже всех обошли.

ЛЁША. И ты так сдаёшься... Ты – нюня, был им и остался. Ты так от Натахи отказываешься... Я бы тебе тогда, знал бы, не уступил бы... Как ты можешь!

ПАША. Мы всё испробовали.

ЛЁША. Слышать не хочу! И что!? Ты так готов... Она же наша, она же наша Натаха... наша дворовая. Мы же одни... одно целое... Что ты молчишь... Что?!

ПАША. А что сказать...

ЛЁША. Тогда отдай мне её! Я её люблю! Не ты... Ты её не любишь.

ПАША. Знаю.

ЛЁША. Что знаешь?

ПАША. Что ты её любишь.

ЛЁША. Поехали!

ПАША. Куда?

ЛЁША. К ней поехали. Собирайся. Одевай всё это. Собирайся.

ПАША. Лёша, ночь на дворе. Куда ехать. Все спят. Ну...

ЛЁША. Ты не понимаешь. Дорога каждая минута, слышишь. Мы поедем к ней в больницу... Я всех перетрясу. *(Лёша начинает собираться и пытается надеть куртку.)* Я сейчас позвоню всем этим академикам и генералам. Мы в Германию поедем... В Израиль... Слышишь, в Израиль... Я там знаю одного... Надо делать что-то. Надо... Ты чего не одеваешься?!

ПАША. Лёша, ночь. Ночь! Завтра поедем. Несколько часов ничего не решат... Ты выпил... Сейчас угробимся...

ЛЁША. Ты всегда был такой. Тебя всегда надо было тормошить... Сядем в машину – доедем. Давай же!

ПАША. Я не поеду.

ЛЁША. Почему, а?!

ПАША. Завтра.

ЛЁША. Я не понимаю. Надо же что-то делать. А следовательно причём? Почему в понедельник ты должен явиться на допрос? Это ещё что, а? Ну же... рассказывай...

ПАША. Я уже не директор института.

ЛЁША. Как? Не директор? Когда? Почему не сказал?

ПАША. Мой институт объединили с другим. Меня сократили, уволили. Ну, на пенсию отправили.

ЛЁША. Это ты так говоришь!?

ПАША. А что мне делать!

ЛЁША. Это же дело твоей жизни. Ты же там...

ПАША. Да что говорить... Объединили. Его просто объединили, а меня отправили на пенсию.

ЛЁША. Когда?

ПАША. Пару месяцев назад. Вот так, пять десятков лет строишь – а потом одним росчерком пера всё рушится.

ЛЁША. И что потом?

ПАША. Ничего. Натахе долго ничего не говорил. Выходил из дома утром и шёл гулять... или ехал в библиотеку... изображал...

ЛЁША. Зачем?

ПАША. Как-то дома было тяжело. Натаху не хотел огорчать. Я вот на днях подумал, перенестись бы обратно в наш двор, на наши качели...

ЛЁША. Почему?

ПАША. Я бы не занимался больше институтом.

ЛЁША. А чем?

ПАША. Другим... Семьёй...

ЛЁША. Почему у вас нет детей?

ПАША. Не получилось... Вот так. А потом хотели взять кого-то, да уже годы были не те... Не стали...

ЛЁША. А почему тебя вызывают по уголовному делу?

ПАША. Как объединили, пошла проверка, что-то там нашли.

ЛЁША. Ты же не воровал!

ПАША. Другие. Не углядел.

ЛЁША. Болван!

ПАША. Болван...

ЛЁША. И что!?

ПАША. Следствие идёт. Я отвечал. Посадят.

ЛЁША. А ты чего!? Как не углядел!?

ПАША. Я же в своих мыслях был. Я верю людям.

ЛЁША. Ну... Доверчивый болван.

ПАША. Они мне всё какие-то проекты подсовывали.

ЛЁША. Кто?

ПАША. Заместители.

ЛЁША. Ты их брал?

ПАША. Нет. Сверху посадили.

ЛЁША. И что?

ПАША. Они, понимаешь – всё по делу. Ремонт, говорят, надо. Помещение старое. Аренда там всякая... Всё вроде, по закону. А я же не понимаю. Я думал, что понимал. А ребята толковые, вроде. Говорят мне – всё по правилам.

ЛЁША. Был как свадебный генерал. Ну, и болван ты...

ПАША. Я не думал, что со мной такое возможно. Я же ни копейки не брал. А с цифрами так крутить можно! Они и крутили. Покажут одно — на деле другое.

ЛЁША. У меня в частимышь без моего ведома не имела права по части пройти. Понимаешь!? Ты же несёшь за это всё ответственность!

ПАША. Несу.

ЛЁША. Ладно, разберёмся. Подниму своих. Выкрутимся.

Молчание.

ПАША. Я остался бы здесь на даче. Так не хочется ехать в Москву.

ЛЁША. Мы поедem. Завтра же поедem в Москву. Я подниму всех. Мы вытащим и тебя, и её. Ты меня знаешь! Понимаешь?! Ты мой друг! Ты мой!

ПАША. Да что мы можем!

ЛЁША. Всё! Всё мы можем! Слышишь?! Верить надо... Верь мне. Я с тобой. Я...

ПАША. Натаха позавчера сказала мне, что давным-давно, когда она каталась на качелях, а я стоял рядом и раскачивал её, а она все ждала, выстрелишь ты из рогатки или нет, а когда ты выстрелил и попал в нее, она тебя обозвала самым круглым идиотом... на весь двор крикнула... И она сказала, что быть может, это были её самые счастливые мгновения в жизни... Почему-то запоминается что-то такое... казалось бы, пустое...

ЛЁША. Тихо...

ПАША. А я тебя не предавал.

ЛЁША. Знаю я.

ПАША. Знаешь?..

ЛЁША. Я не со зла... Бывает...

ПАША. Мы идём с тобой ночью по лесу, помнишь? Одни... Испытываем себя. Вокруг темно и мерещатся бандиты и чудища. А ты рядом...

ЛЁША. И ты...

ПАША. Я иду за тобой, и мне не страшно - ты меня не бросишь. Темно... Страшно... И мы вдвоём идём через лес...

ЛЁША. Я тебя не брошу... Всё будет хорошо, понимаешь...

ПАША. А помнишь, как мы шалили у магазина за углом. Они бежали за мной... работяги... ну, из магазина, помнишь? Я баловался и кидал камни в окно, помнишь!?

ЛЁША. Ага.

ПАША. Целая толпа бежит за нами... Ты спрятался... А я тебя не видел. А потом ты выбегаешь вперед и кричишь им...

ЛЁША. Это я кидал, меня хватайте...

ПАША. А я не понял. Я не понял тогда. Я почему-то остановился.

ЛЁША. Нас обоих схватили...

ПАША. Холодно.

ЛЁША. Сейчас подброшу.

Лёша подходит к камину и подбрасывает поленья. Огонь разгорается.

ПАША. Выключи свет.

ЛЁША. Зачем?

ПАША. Выключи.

Лёша выключает свет, подходит и садится рядом с Пашей.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ПАША. Не люблю ноябрь. Особенно его начало.

ЛЁША. Почему?

ПАША. Мрачно. Как будто... ну, как будто пора умирать...

ЛЁША. Осень.

ПАША. Я, вообще, думаю, что умирать надо в ноябре. Весна прошла, лето прошло, и осень проходит...

ЛЁША. Ты так думаешь?

ПАША. Да... ноябрь – всё уже увяло, и надежды нет никакой, и весна не скоро... всё... Уходить надо осенью... умирать надо осенью... в ноябре... Потом начнётся зима, снег... потом уже будет ожидание весны... хоть какая-то надежда.

ЛЁША. А сейчас надежды нет?

ПАША. А сейчас... сейчас – ноябрь - ни ожиданий, ничего... всё уже пролетело, пронеслось... Ноябрь - конец года, конец жизни... да, и знаешь, земля пока ещё не замёрзла, копать легче...

ЛЁША. Чего копать?

ПАША. Могилу.

ЛЁША. Нытик ты...

Молчание.

ПАША. А ты Натаху до сих пор любишь?

ЛЁША. Не удержался... спросил...

ПАША. Любишь?

ЛЁША. Знаешь... Вот, знаешь... иду я утром к себе... ну, в контору... в гаражи... Машину оставляю у станции. А там ещё километр идти, а может, и полтора... Специально на машине не еду. Далеко её ставлю. Иду я... особенно, там, весной, или когда погода хорошая... Так вот, и смотрю на всё вокруг... на девушек... ну да, на них... на деревья, на улицы, на машины... И ты думаешь, кем я себя считаю, если в лужи на дороге не смотреть и если кости не ломит... Ну, пусть ломит, даже если ломит... я вот такой же дворовый пацан, я иду по улице, руки за спину заложил, сумка на ремне болтается, и ничего не изменилось... Ноябрь, там, январь... я такой же, как был. Изменился, постарел - для

других, для всех вокруг... не для себя, нет... я такой же, как был - дворовый пацан, я и из рогатки не разучился стрелять, слышишь.

ПАША. Зачем ты?..

ЛЁША. Ты послушай... Послушай... Не перебивай.

ПАША. Ладно.

ЛЁША. Я вот, всю жизнь думаю. Думаю, понимаешь, а что такое любовь? Вот, ну, к женщине. Она со временем уходит? Подожди, помолчи. Сам скажу тебе... Вот уходит? Думаешь, уходит... А я вот думал всё об этом вопросе... Долго думал... И ничего не надумал.

ПАША. Во даёт.

ЛЁША. Да подожди ты... А вот ты про Натаху, про нашу Натаху сказал... И ты тут про ноябрь, про увядание говорил сейчас... А я понял... я понял – если ты полюбил, то навсегда... чтобы там ни произошло – навсегда. Не уходит она, любовь не уходит... Понимаешь?! Машку свою люблю... Вот, там, не знаю, что – люблю её... А понимаешь, и Натаха в сердце... Всё равно, понимаешь... И какой бы она ни стала... Как бы она ни изменилась...

ПАША. Она сильно похудела... Сильно...

ЛЁША. Всё равно... она для меня вот та... что была много лет назад, понимаешь...

ПАША. Наверное...

ЛЁША. Да что там... Я вот иду по улице... а о чём думаю... это же счастье... я сбегал со уроков и ждал её... там, у первого подъезда.

ПАША. Выскакивал и пугал её.

ЛЁША. Да, выскакивал... А иногда просто смотрел – как она идёт, как заходит в свой третий подъезд после школы, как идёт лифт на её этаж... Ждал, когда она спустится в магазин за хлебом, как утром идёт в школу...

ПАША. Ты мне об этом никогда не говорил.

ЛЁША. А ещё я украл её фотографию со стенгазеты.

ПАША. Это был ты?!

ЛЁША. Да.

ПАША. А наказали меня. Все подумали на меня.

ЛЁША. Думаешь, я тебе просто так отдал гэдээровские наклейки...

ПАША. Я даже не понял.

ЛЁША. А фотографию я хранил за батареей. Если бы отец узнал...

ПАША. Строгий он был...

ЛЁША. Да уж.

ПАША. Ты же видел. Я же тебе говорил о том, что мне нравится Натаха. Я же не скрывал это. Ты же сам пошёл. Ты же вызвался мне помочь. Ты же пошёл к ней по моей просьбе и позвал её со мной в кино.

ЛЁША. Пошёл. Позвал.

ПАША. Почему?

ЛЁША. Да, понимаешь, ты такой был опрятный, умный... там, стихи всякие знал, в театр ходил, английский учил. А я что - глупый... в одной рубахе, вечно измазанный... Я её боялся... Вот скажу я ей... а она мне скажет... ну, скажет «нет», не тот ты... вот, чумазый ты, не читаешь ничего, ничего не знаешь... Нет, не мог я к ней подойти.

ПАША. А мне ты всегда казался таким уверенным. Я же тебе завидовал. Ты на гитаре мог играть, песни пел. Я же этого не умею.

ЛЁША. Да ну... Чего уж там... Теперь я здесь...

Молчание.

ПАША. И никого вокруг, и тишина, и трещат поленья, и кажется, что всё будет... всё будет... долго-долго ещё всё будет...

ЛЁША. Будет...

ПАША. Будет...

ЛЁША. Какие наши годы... Ты не унывай. Мы же вместе, мы справимся... Натаху вытащим... Ты же знаешь меня. Завтра к ней...

ПАША. В больницу...

ЛЁША. Да. Всех подниму... А потом ты к нам поедешь.

ПАША. К вам?

ЛЁША. Ну, домой.

ПАША. Ты вернёшься?

Лёша молчит.

ЛЁША. Я...

ПАША. Да.

ЛЁША. Я тебя привезу в гости.

Паша и Лёша сидят молча. Слышатся звуки горящих поленьев в камине.

ЛЁША. Слышишь? Вот! Слушай!

ПАША. Что? Ничего не слышу.

ЛЁША. Машина едет. Машкина машина.

ПАША. Почему?

ЛЁША. Да по звуку я её отличаю... По звуку... Сам собирал ей.

ПАША. Правда?

ЛЁША. Вот слышишь? Гул такой специфический. Вот... Ну...

ПАША. Не слышу я.

ЛЁША. А, глухой ты...

ПАША. Ну, правда, не слышу.

ЛЁША. Вот... Ближе уже. Заворачивает... Заворачивает! Дорогу нашли!?

ПАША. Слышу теперь.

Слышится гул подъезжающей машины.

ЛЁША. Как нашли?! Никогда же сюда не приезжали. Ты, небось, сказал.

ПАША. Ты опять?!

ЛЁША. Да ладно...

ПАША. Ты с ними поаккуратней. Побереги всех.

ЛЁША. Да я тихий, тихий буду, понимаешь... Тихий... Они же приехали, слышишь? Остановились. Хлоп. Ещё раз, ещё раз. Все приехали... Машка и дочки. Слышишь!? Все приехали!

Лёша встаёт и начинает ходить по комнате. Зажигает свет.

ЛЁША. Во как! Понимаешь! Дорогу нашли... в темноте. А Мариночку с кем оставили?.. Может, в машине сидит. Вот деду обрадуется! Все, все приехали. Давай вставай. Сейчас в Москву поедем. У нас переночуешь. Давай. Все, все... приехали! Во дают! Во как! Испугались! Поняли! Во как!

Лёша останавливается в задумчивости.

Дмитрий Ластов «НОЯБРЬ» (пьеса)

ЛЁША. Паш, она же такая... Она же сейчас прийдёт меня...

ПАША. И что?!

ЛЁША. Давай я больным прикинусь. Больного бить не будет. Лягу вон там, одеялом накроюсь. А?

ПАША. Поможет?

ЛЁША. Нет, но надо попробовать.

Лёша идёт ложиться.

ЛЁША. Ты ей дверь открой, скажи, что плохо мне. Ладно? Ну ты же знаешь, как обычно...

ПАША. Не поверит.

ЛЁША. А вдруг... ты попечальнее скажи.

Раздаётся сильный стук в дверь. Паша идёт открывать. Через некоторое время в дверях появляются Маши и Паша.

ПАША. Маш, приболел он. Температура у него. Вот, лежит.

Маши внимательно смотрит на Пашу, потом на лежащего Лёшу.

МАША. Значит, приболел?!

ПАША. Да, болеет.

МАША. Значит, болеет?!

ПАША. Температура.

МАША. Значит, температура, говоришь?!

ПАША. Ну, да.

МАША. Ты там, на кровати. Может, сам скажешь.

ЛЁША. Плохо мне... Не слышишь...

МАША. Я те.. Ну, вставай. Мы неделю из-за тебя не спим.

ЛЁША. Три дня...

МАША. Неделю. Вставай! Улётся... Вот...

Лёша поднимается и сидит на кровати и хитро улыбается.

МАША. Чего лыбишься?!

ЛЁША. Нашла? Приехала?

МАША. Нашла. Приехала.

ЛЁША. А дочки где?

МАША. На улице стоят. Боятся, что ты тут...

ЛЁША. Да я нормальный... Ну, Паш, скажи...

МАША. Вижу. Одну начали. Другую - про запас.

ЛЁША. Ну, за встречу...

МАША. Собирайтесь оба. Нечего здесь... Угорите ещё от огня... Гасите камин и поедем.

Лёша встаёт.

МАША. Вот боров! Тут помрёшь раньше времени. Морги, всех друзей - всех обзвонили.

Лёша подходит к Маше и обнимает её. Она пытается сопротивляться.

Дмитрий Ластов «НОЯБРЬ» (пьеса)

ЛЁША. Красатуля ты моя...

МАША. Фу...

Лёша её целует. Маша пытается сопротивляться.

ЛЁША. Я тебя, знаешь, как люблю.

Маша высвобождается из объятий Лёши.

МАША. Ты. Ты при детях чтобы тихий был! Чтобы шёлковый был! И разговоры глупые не веди, понял! Иди собирайся.

ЛЁША. Понял.

Лёша идёт в другую комнату и собирает вещи.

МАША. Паш, давай к нам, а завтра к Натахе поедем. Если бы я знала... Ну что же ты за молчун такой... Ну позвонил бы... Я бы приехала.

ПАША. Да я не подумал. Неудобно.

МАША. Чего неудобно? Свои же.

Появляется Лёша.

ЛЁША. Значит, сболтнул. Проболтался, Пашка... Проболтался её, что я здесь. Так и знал, трепло ты... Трепло...

МАША. А ты молчи, понял! Заговорил тут, больной!

ЛЁША. Он болтун, трепло...

ПАША. Лёш...

МАША. Так...

ЛЁША. Я так и знал. Я знал же. Вот верь людям!

МАША. Ты неисправимый.

ЛЁША. А чего я... Это он – болтун.

МАША. Мне Натаха сказала! Слышишь!

ЛЁША. Почему? Почему Натаха?

МАША. Я тебя, дурака, по всей Москве искала. Всех обзвонила. Пашке звоню. Телефон молчит. На сотовый звоню – не отвечает. Натахе стала звонить. Она всё и сказала. А ты, Лёша, сначала спроси...

ЛЁША. Да я и не думал... Я что... Я же... Да ну...

МАША. Всё. Пять минут - и в машину. Слышишь! Ждать не буду – уеду. Больной! А... Придумал!

Маша выходит.

ЛЁША. Видал... Приехала. Пол-Москвы обзвонила. Во как! Давай, Паш, собирай всё. А то и вправду, ждать не будет.

ПАША. Я сейчас...

Паша выходит. Лёша собирает вещи.

ЛЁША. В туалет... Ну иди.

Входит опять Маша. Маша стоит, смотрит на Лёшу. Вздыхает. В руках у неё тонометр и пакет с таблетками.

ЛЁША. Ты что?

МАША. Так не делай никогда, Лёшик, ладно... Я же всё прокляла... Таблетки не взял. У тебя же давление. Голодный. Один... Ты же мог умереть. Мы уже всё передумали... Всех обзвонили. Слышишь, никогда! Я без тебя не смогу, Лёшик. Ты понимаешь?!

Лёша подходит к Маше. Прижимает к себе. Гладит.

ЛЁША. Ты чего, маленькая... Ну, дурак я, понимаешь... Не думал я. Дурак... Прости. Ты-то как... Давление меришь?

МАША. Сама не своя, Лёшик... Какой-же ты дурачок. Ну, какое давление! Не спали мы... Уже в полицию звонить хотели. Еле держусь.

ЛЁША. Садись, давай. Может, чаю... Сейчас, быстро... И остальных позовём.

Маша и Лёша садятся.

МАША. Нет, давай поедem. Сейчас, вот, пей — я тебе отобрала. Вот, эти две беленькие, красненькую и вот эти маленькие. Пей.

Лёша выпивает таблетки.

МАША. Лёшичек, мне так страшно стало. Я как подумаю... Мариночке не знаю что сказать...

ЛЁША. Мариночке?

МАША. Она всё: где деда, где деда? Когда мы в парк пойдём кататься... А я и сказать не знаю что. У меня слёзы на глазах появились. А она, мне говорит: он вернётся, баба, как Карлсон... Я ей про него на ночь читала... А она всё равно не спит, всё к нам на кухню приходит. А что ей сказать?

ЛЁША. Ну... я не буду, прости, ну, всё кончилось... Мариночка... да ну её, эту дачу... ну, ничем больше не буду заниматься, работу брошу, денег хватит же... а?

МАША. Знаешь, я тут подумала... посмотрела... Я не так всё сделала. Дура я, Лёшичек. Обидела тебя. Ты прости меня. Я сама не знаю... Знаешь, ехать недалеко...

ЛЁША. Сюда?

Входит Паша.

МАША. На следующий год, может, лето здесь с тобой будем. А то чего в городе... И Мариночку возьмем. Она подросла. Дом-то хороший построил. Давайте, закрывайте всё.

Маша пытается скрыть от Паши своё состояние и выходит из комнаты.

ЛЁША. Понимаешь... Она говорит: где деда, когда на каток пойдём? Он вернётся... Понимешь?

ПАША. Мариночка!?

ЛЁША. Ну да... Вот...

ПАША. Видишь!

ЛЁША. А Машка! Ты слышал - дом... дом хороший...

ПАША. Ну и хорошо.

ЛЁША. А чего выпендривалась! Не поеду! Не хочу! Вот, пойми их.

ПАША. Да ладно.

ЛЁША. Нет, я не понимаю.

ПАША. Это выкидывать? Где пакет?

ЛЁША. За дверью. Но ты гляди. Вот женщины! Вот бабье царство! Нарожал на свою голову.

Лёша и Паша спешно собираются.

ПАША. Колбасу с собой?

ЛЁША. Всё бери. Приедем – поедим. А завтра к Натахе все вместе... Да всё будет хорошо. Вытащим мы её.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Входит Маша.

МАША. Как смотаться за тридевять земель – это махом. Как собраться – так жди его.

ЛЁША. Сейчас, ну...

МАША. Туалет у тебя тут есть или в кусты идти?

ЛЁША. Есть, за домом. Тёплый... Найдёшь.

Маша видит бутылку водки и берёт ее.

МАША. Так, это что, с собой берёте?

ПАША. Да.

МАША. Это я выброшу. Давайте. Пять минут - и на выход.

Маша выходит.

ЛЁША. Вот балда! Туда-сюда... Надо было прятать быстрее.. Я же говорю... Бабы!

ПАША. Новую купишь.

ЛЁША. Да ты что, её не знаешь! Она же командир. Я вообще не пью. В магазин пойдёшь – то нельзя, это нельзя, это не трогай, у тебя лишний вес... у тебя давление... это нельзя, здесь сахар, там соль... И это мне — командиру, офицеру! Я ж полком командовал... А я с ней себя рядовым, понимаешь, чувствую... как рядовой, ей богу...

ПАША. Пойдём?

ЛЁША. Пошли.

Лёша и Паша собираются выйти. Выключают свет. Лёша видит что в камине горит огонь.

ЛЁША. Надо огонь погасить.

Лёша берет чайник с водой.

ПАША. Стой.

ЛЁША. Чего?!

ПАША. Подожди.

ЛЁША. Ты чего?

Дмитрий Ластов «НОЯБРЬ» (пьеса)

ПАША. Хорошо горит. Мерцает.

ЛЁША. Ну да.

ПАША. Вот так горит наша жизнь... А потом её сверху кто-то чайником...

ЛЁША. Хочешь сказать...

ПАША. И ничего не остаётся. Только угольки...

ЛЁША. Да пошли уже. Давай затушу.

ПАША. Подожди. Мы и сейчас уже не горим. Тлеем... только тлеем...

ЛЁША. Да брось ты свои упаднические штучки.

ПАША. Тлеем, Лёша, тлеем... Уже не живём - доживаем... Вот ты чего сюда сбежал?

ЛЁША. Уехал я - не сбежал.

ПАША. Да ладно...

ЛЁША. Ну чего?

ПАША. А чтобы тебя вот эта жизнь из чайника не залила... Ну, как сказать... чтобы не тлеть, а гореть... Потому и сбежал.

ЛЁША. Это как?

ПАША. Ну заела тебя рутина, будни. Одно и то же. Всё какое-то пустое и безрадостное...

ЛЁША. Ну, наверное...

ПАША. Ты повод нашёл, бурю в стакане устроил и сбежал сюда. Воздуха огню поддал. Ну, показал, что ты ещё не тлеешь, что ещё гореть можешь.

ЛЁША. Во даёт! Ну, может и так...

ПАША. А вот, как это не тлеть, а гореть - не известно. Мне вот казалось, что я горел, что жил, что мечтал, что творил... что дело было, а сейчас я смотрю на этот огонь и думаю, что всё это было пустяки, а я, как эта головешка, уже давно сгорел и только тлею - не живу, а жизнь уже ушла...

ЛЁША. Да куда ж она ушла? Живы же...

ПАША. Нет, тлеем, придумываем себе что-то, чтобы на нас обратили внимание. Пыжимся, чего-то строим... А так - тлеем... Как угольки. Когда мы были молодыми, мы хотели, чтобы взрослые нас понимали... нас - молодых, и, ведь мы не думали, что они хотят того-же... И всё повторяется вновь. Теперь мы хотим, чтобы нас поняли они... поверили... простили... Уже они, те, кто младше, поняли бы нас... Огонёк-то в нас остался... Нам лишь немного нужно... всего-то - только понимания.

ЛЁША. Да ты не философствуй. Сейчас всё поправится, дачу дострою, будешь в гости приезжать летом.

ПАША. До лета ещё надо дожить. Понимаешь, дожить...

ЛЁША. Доживёшь... Доживём.

Слышится гудок машины...

ЛЁША. Всё.

Лёша льёт из чайника воду на огонь. Огонь гаснет.

ПАША. Вот так.

ЛЁША. Да ничего не так! Ничего не так, слышишь! Никакого не так! Пошли, ну...

Лёша сгребает Пашу в охапку и выталкивает его из комнаты. Слышится, как поворачивается ключ в двери и заводится машина.

Затемнение.

*Начинает звучать Восточная песня в исполнении Валерия Ободзинского.
Прожектор в темноте выхватывает проигрыватель на котором крутится пластинка.
Через некоторое время артисты выходят на поклонны.*

Льёт ли тёплый дождь,
Падает ли снег —
Я в подъезде против дома
Твоего стою.
Жду, что ты пройдёшь,
А быть может, нет,
Стоит мне тебя увидеть —
О, как я счастлив!

Странно и смешно
Наш устроен мир —
Сердце любит, но не скажет
О любви своей.
Пусть живу я и не знаю —
Любишь или нет,
Это лучше, чем, признавшись,
Слышать «нет» в ответ,
А я боюсь услышать «нет»...

Москва.
Октябрь 2018 г.

В пьесе использованы: Восточная песня. Музыка Д. Тухманова. Стихи О. Гаджикасимова
Can't Help Falling In Love. (Hugo Peretti, Luigi Creatore, George David Weiss).